

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЖЕНСКОГО РОДА В ЛИТОВСКОМ СТАТУТЕ 1588 г.

ТАТЬЯНА КТИТОВА

В женском субстантивном склонении, представленном в Литовском Статуте 1588 г., большинство составляют существительные с бывшими основами на *ā, и лишь незначительное количество словоформ приходится на долю имен с бывшими основами на *ī, а также имен, склоняющихся по типу *ī-основ. Нужно отметить, что в языке Статута широкое отражение нашли случаи родовой синонимии, т.е. использования однокоренных синонимических образований, принадлежащих разным грамматическим родам. Особенно широко родовая синонимия представлена отглагольными образованиями нулевой суффиксации, например: *тую запись* — *той запись*, *кь выписи* — *кь выпису*¹. Подобные примеры родовой синонимии не являются особенностями лишь старобелорусского языка, а отмечаются исследователями в источниках, относящихся к эпохе древнерусской языковой общности, а также в памятниках великорусского языка, различных по жанру и территории написания. Колебания в роде существительных особенно свойственно деловым документам, которые вообще характеризуются широкой вариантностью форм. Нужно отметить, что в старобелорусском языке колебание в роде отглагольных образований нулевой суффиксации решается, как правило, в пользу мужского рода (м.р.). Это объясняется тем, что существительные м. р. с бывшей основой на *ī очень рано оформились по словоизменительному типу бывших *ǫ-основ, поэтому в живой речи наблюдались колебания в роде и для существительных женского рода (ж.р.) бывших основ на *ī [Булыка, 1979, с. 8], что отражено и в исследуемом памятнике. Отглагольные существительные с нулевым суффиксом оформлены преимущественно как существительные м. р., склоняющиеся по типу бывших основ на *ǫ, с присущей для этого словоизменительного типа системой флексий. Подобное соотношение родовых синонимов типа *подпис* — *подпись*, *летопись* — *летопис* сохранилось и в современном белорусском языке.

¹ Все примеры приводятся по старопечатному изданию: Статут Великого княжества Литовского 1588 г. — Вильно: тип. Мамоничей. (Экземпляр Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.)

ке, в котором литературной нормой считается форма м. р. этих слов [Затовкано, 1975, с. 37].

Существительные *кровь, морковь, церковь* (бывшие основы на *ī) в им. п. отмечены преимущественно с флексией -ь. Встречаются и варианты по типу бывших *ā-основ: *церква, морква*. Последние формы, свидетельствующие о стремлении языка к наибольшей степени унификации типов склонения в ж. р., свойственны всем восточнославянским языкам и отмечаются уже в самых ранних памятниках древнерусского языка. Что касается слов *мать, дочь* (бывших основ на согласный), отмечаемых во всех южновеликорусских источниках в им. п. в форме *матерь, дочь* и в косвенных падежах с флексиями склонения *ī-основ, то в исследуемом тексте в им. п. встречаются только слова *матка, дочка*. В косвенных падежах для слова *мать* характерно вариантное употребление, напр., о *матце* своей — о *матери* своей, но не отмечено ни одного примера употребления слова *дочь* (*дочерь*) ни в одном из падежей. Текст Статута, а также многие другие памятники старобелорусской деловой письменности и говоры белорусского языка [Карский, 1956, с. 188] свидетельствуют о преимущественном употреблении слова *дочка* (*дачка*) вместо *дочь / дочерь*.

Наиболее многочисленную группу женского субстантивного склонения в тексте Статута представляют, как уже отмечалось выше, существительные с бывшей основой на *ā и все имена, принявшие флексии этого словоизменительного типа. В им. п. представлены флексии -а/-я (*жона, сестра, дочка, матка, мужбойца, воля, земля, копея, коньфедерация*), -и (эту флексию имеет только одно слово — *кнегини*: „кнегини наша имела ее выпустити...“ 4,1,80)².

Таким образом, им. п. женского субстантивного склонения представлен в языке Статута флексиями -а/-я,-ь,-и.

Винительный падеж. Существительные ж. и м. р. с бывшей основой на *ā отмечены в этом падеже с флексиями -у/-ю: *девку, невесту, сестру, свечу, слугу, судью, въ дорогу, въ опеку, слугу, за дочку, за матку, на волю, на пашню*. С такими же флексиями зафиксированы многочисленные полонизмы на -ца: *злочинцу, мужбойцу, за працу, въ милітацыю, коньфедерацию*.

Существительные на мягкий конечный согласный основы (бывшие *ī-основы) характеризуются в целом омоморфией форм им. и вин. п.: *на смерть, на вольность, за противность, на бронь*. Такая же форма вин. п. и у бывших основ на *ī: „*лодь хоруговь тую становити се маеть*“ (6, 3, 145); „*кровь людскую пролити не маеть*...“ (6, 5, 146). Существительное *мать* отмечается обычно в форме *матерь*: „...кто кому *матерь* забьеть...“ (3, 2, 73), но встречается и единичное употребление с флексией -у: *про матеру тую*...“ (3, 1, 71).

² Первая цифра обозначает номер статьи в Статуте, вторая — главу, третья — страницу.

Такая же форма этого слова (*мацера*) наблюдается и в белорусских говорах [Карский, 1956, с. 188]. С флексией *-у* в вин. п. зафиксирован еще ряд слов, изменяющихся в целом по типу **i*-основ: *за лань* 6 коп грошей — *за ланю* 6 коп грошей, тую *приязнь* метитую *приязню*, *важность* мети маеть — *важностю* мети маеть и т.п. Подобные формы в памятниках XVI–XVII вв. очень редки и относятся к более позднему периоду, что и отмечается в исследовательской литературе [См.: Именное склонение, 1977, с. 56], но само их появление свидетельствует о проявлении тенденции сближения парадигм имен одного рода, о выравнивании системы форм существительных ж. р. по „сильному“ типу словоизменения.

Следует отметить одну особенность употребления вин. п. в языке Статута. Имеется в виду конструкция „предлог *о* + вин. п.“, которая имеет значение предмета речи, рассуждения и употребляется параллельно с конструкцией „*о* + местн. п.“: *о челядь дворовую — о челяди дворовои*. Эта конструкция заимствована из польского языка и в живой белорусской речи не встречается Авічэнка, 1969, с. 85].

Родительный, дательный, местный падежи. Давний синкретизм характеризует формы род., дат., местн. падежей существительных с бывшей основой на **i* и существительных, изменяющихся по типу склонения **i*-основ, что отражает и язык Статута. Указанные падежи таких существительных представлены флексией *-и* или ее орфографическим вариантом: *въ ночи — въ нocy, въ речи — въ речы, для немоци — для немоцы* (аналогичные орфографические варианты и в им.-вин. п.: *немоць — немоць, речь — речь*). Само появление таких вариантов в памятниках старобелорусского языка говорит о том, что в живой белорусской речи к XVI в. были лишь твердые *ц* и *ч*, а написание после них *ь* и *ъ* — дань письменной традиции древнерусского языка.

Только с флексией *-и/-ы* отмечены в Статуте и бывшие **i*-основы: *безь крови, для морькви, при церкви, въ крови, ку церкви*.

Существительное *мать* в род. п. представлено и в форме *матки* (с обобщенной флексией *-и* женского субстантивного склонения), и в форме *матцы*, причем последняя встречается и в дат. и в местн. п., подобно синкретической форме род., дат. и местн. п. существительных типа *речь*: „*по смерти матцы своее, о матцы своее...*“, „... Имение *матцы* своее заставити маеть...“ (9, 11, 256).

Существительное *дочь* (*дочка*) зафиксировано в форме род. п. только с обобщенной флексией *-и* (для *дочки* своее), в дат. и местн. п. — с *-е/-ѣ*: *о дочцѣ* своее, „...имение *дочцѣ* своее заставити маеть“ (9, 14, 281).

В древнерусском языке, как известно, существительные с бывшими основами на **ā* твердой разновидности склонения имели в род. п. флексию *-ы*, мягкой разновидности склонения — флексию *-ѣ*. Уже к XI в. процесс взаимодействия твердой и мягкой разновидностей нашел отражение в памятниках

письменности [Соболевский, 1907, с. 181]. Это взаимодействие выразилось в обобщении флексий твердой и мягкой разновидностей во флексии *-ш/-ы*. Формы род. п. с обобщенными флексиями широко представлены в языке Статута: *сестры, разговоры, стрельбы, цены, жалобы, земли, воли, купли, мили*. Существительные м. р. со значением лица и среди них полонизмы на *-ца, -иста* имеют такие же окончания: *слуги, убойцы, судьи, расправцы, державцы, старосты, воеводы*. У польских заимствований (имен ж. р. мягкой разновидности склонения) возможно двойное написание, с заменой конечного гласного основы *-и / -ы* на *ѣ*: *съ канцелярьи — съ канцелярѣи, съ копии — съ копѣи, коронации — коронацеи, апелляции — апеляцеи*. Написание с *ѣ/е* является польской чертой и не находит широкого отражения в памятниках, ориентированных на нормы живого языка [Булыка, 1979, с. 47].

Во многих говорах, особенно южновеликорусских, и памятниках великорусского языка у существительных ж. р. на *-а* с твердыми конечными согласными основы наряду с окончанием род. п. *-ы* отмечается и окончание *-е/-ѣ*: *у жене, у сестре* [Филин, 1972, с. 360–361]. Такие формы род. п. встречаются и в некоторых говорах белорусского языка [Карский, 1962, с. 251; Обнорский, 1927, с. 96]. Единичные случаи вариантов с флексиями *-ы/-е / -ѣ/ѣ* в род. п. существительных с твердыми основами зафиксированы и в исследуемом памятнике: *оть серебцизнѣ — оть серебцизны, против особѣ — против особы, для службе — для службы, водле потребе — для потребе*. Подобные формы отражают общую тенденцию развития падежного синкретизма, свойственную живой речи и закрепившуюся во многих говорах [Хабургаев, 1963, с. 67–69]. В языке Статута встречаются синкретические формы дат., род. и местн. п. существительных на *-а* мягкой разновидности склонения, напр.: *для судьи — тому судьи — о том судьи*. Но такие случаи крайне редки и свидетельствуют, вероятно, о влиянии существительных типа *смерть, речь* на мягкую разновидность склонения существительных на *-а*.

Как известно, еще в раннюю эпоху развития древнерусского языка у существительных ж. р. с бывшей основой на **ā* в дат. и местн. п. наметился процесс выравнивания флексий по твердой разновидности склонения, что нашло широкое отражение в памятниках письменности и говорах великорусского языка. В староукраинском и старобелорусском языках различия между твердыми и мягкими вариантами склонения в этих падежах устойчиво сохранялись на протяжении всей истории развития этих языков [Затовканюк, 1975, с. 25–30]. Язык Статута последовательно отражает различия флексий твердого и мягкого вариантов: для мягкого варианта характерна только флексия *-и* (*-ы* — как орфографическое отражение отвердения шипящих, *ц* и *р*), для твердого варианта *-е / -ѣ*. Дат. п.: *ку шкоде, сторонѣ, вине, утрате, шляхте, ку расправе, ку славѣ — по земли, по воли, ку заступцы, по половицы, по улицы, к судьи*.

Местн. п.: *о ранѣ, о невесте, въ головѣ, о персоне, о школе* — на улицы, въ границы, на воли, въ межки, о мужсбойцы, на заступцы, въ земли, въ границы, въ пуци, при моцы, о продажи, въ лавицы.

Единичные случаи отклонения от сохранения различий твердой и мягкой разновидностей склонения в дат. и местн. п. отмечаются лишь в некоторых говорах белорусского языка, пограничных с русскими [Карский, 1956, с. 162].

Своеобразием форм дат. и местн. п. отличается существительное *пани*, которое в этих падежах зафиксировано с окончанием *-еи*, заимствованным, как утверждают исследователи старобелорусского языка [Булыка, 1979, с. 48], из склонения прилагательных: *той нашої панеи, ку панеи нашої, о панеи нашої*.

Нужно отметить еще одну особенность склонения существительных на *-а* в дат. и местн. п. в старобелорусском и староукраинском языках, в отличие от великорусского, отразившуюся в языке Статута. Речь идет о склонении существительных с основами на заднеязычный. Уже в самых ранних памятниках древнерусского языка встречаются формы дат. и местн. п. с обобщенными основами на *г, к, х* и соответствующими флексиями этих падежей. В украинском и белорусском языках на всем протяжении их развития сохраняются свистящие *ц, з, с*, чередующиеся с заднеязычными в формах дат. и местн. п. Это чередование отражено и в языке Литовского Статута. Дат. п.: *руце, служѣ, дочце, ку жонцы, ку зволоцы*. Местн. п.: *о руце, о дочце, в опецѣ (и въ опецы), на науцы (въ науцѣ), въ коморце, на дорозе, ку присязе, о матце, на послужѣ, в муцѣ, о мужатце, о девцѣ, въ лавцы*.

В исследуемом памятнике не отмечено ни одной словоформы в дат. и местн. п. на *ге /ѣ/, ке /ѣ/, хе /ѣ/*. Аналогичные факты приводятся и в многочисленной исследовательской литературе, посвященной изучению старобелорусского языка. В современном белорусском языке сохранилось чередование заднеязычных и свистящих в дат. и предл. п. Лишь в некоторых белорусских говорах, пограничных с русскими, используются и формы с обобщенными основами: *к наге, о дачке, на ракі и на раке*³.

Творительный падеж. В старобелорусском языке существительные ж. р. с твердой основой имели, как правило, двусложную флексию *-ою*. Это подтверждается самыми разными по жанру памятниками письменности, в том числе и Литовским Статутом: *жалобою, забавою, арендою, ручницюю, головою, водою, тяжбаю, горелкою*. Существительные на *-а* мягкой разновидности склонения зафиксированы с флексией *-ею*: *погонею, волею, куплею, землею, судьбою, оказиею, канцеляриею, инструкциею*. В употреблении вариантов *-ою/-ею* отступлений в языке Статута не наблюдается. Исключение составляют существи-

³ Диалектологический атлас белорусского языка, карты № 73, 74.

тельные, основа которых оканчивается на *-и*: мы можем встретить и традиционное написание *-ею* (*розницею, забийцею*), и написание *-ою*, отражающее живую орфоэпическую норму (*мужобойцою, рунцою, забойцою*).

Стяженная флексия тв. п. имен, склоняющихся по типу *а*-основ, представлена в языке Статута только в склонении существительного *тысяча*: *тысячей /тысячой*. Таким образом, язык памятника отражает лишь нормативную для старобелорусского языка флексию тв. п. существительных, склоняющихся по типу имен с бывшей основой на **ā*.

В тв. п. существительных, изменяющихся по типу бывших основ на **ī*, преобладает исконная флексия *-ью*: *съ подписью, с помощью, за ненавистью, за печатью, честью*. Окончание *-ню* в исследуемом памятнике, как и вообще в деловой письменности XVI в. старобелорусского языка, не зафиксировано. В языке Статута встречаются формы тв. п. с флексией *-ею*, по аналогии с формой тв. п. существительных типа *земля*: *съ приязнею, с матерею, за мыслею, за моцею*. Подобные формы, вероятно, отражают тенденцию к унификации женского субстантивного склонения.

Сочетание согласного с *-j* в старобелорусском языке давало удвоение согласного, но это фонетическое явление с трудом пробивалось в старобелорусскую письменность через каноны древнерусской орфографической традиции. В тексте Статута в таких случаях обычно стоит надстрочный знак *'*, который можно истолковать и как пропущенный *ь*, и как слияние удвоенного согласного в простой: *подь печат'ю, за смерт'ю*. В XVI–XVII вв. подобные примеры с удвоенным согласным встречаются и в южновеликорусской письменности [Котков, 1963, с. 185].

Женское субстантивное склонение в языке Литовского Статута 1588 г. представлено следующим набором флексий. Им. п.: *-а/-я, -ь*; вин.: *-у/-ю, -ь*; род.: *-и/-ы, -е/-ѣ*; дат.: *-и/-ы, -е/-ѣ*; тв. п.: *-ою/-ею, -ью*, местн.: *-и/-ы, -е/-ѣ*.

Если под словоизменительным классом понимать классы, объединяющие слова с одинаковым фонемным оформлением флексий в каждом падеже, не учитывая фонетических вариантов [Хабургаев, 1963, с. 69], то в склонении существительных ж. р. ед. ч., представленном в языке Литовского Статута 1588 г., можно выделить следующие словоизменительные классы.

I класс составляют имена на твердый конечный согласный основы, включая основы на заднеязычные, типа *жена, сестра, присяга*, которые в дат. и местн. п. имеют флексию *-е /-ѣ*: *ку присязѣ, о жоне*. В этот класс входят и существительные *матка, дочка*.

II словоизменительный класс составляют имена на *-а* с мягким конечным согласным основы (*земля, копея*), которые в дат. и местн. п. имеют флексию *-и/-ы*: *о земли, по копеи*. Сюда же входят и существительные на *-и*: *о мужобойцы, ку мужобойцы*.

III словоизменятельный класс образуют все существительные, оканчивающиеся на мягкий согласный и изменяющиеся по типу бывших *ŷ-основ: *смерть, честь, кровь, церковь, морковь*.

В заключение нужно отметить, что склонение существительных ж. р., представленное в языке Литовского Статута 1588 г., в целом отражает норму, ориентированную на живой разговорный язык, что подтверждают данные говоров белорусского языка.

THE DECLENSION OF THE FEMININE GENDER NOUNS IN THE LITHUANIAN STATUTE OF 1588

T. KTITOROVA

Summary

The article deals with declension types of the feminine gender nouns represented in the Lithuanian Statute of 1588. The Statute language reflects the tendency to levelling the system of the feminine gender noun forms according to the strong type of declension that corresponds to the norm orientated to the colloquial language.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анічэнка, 1969 — Анічэнка У. В. Беларуска-украінскія пісьмова-моўныя сувязі. — Мінск, 1969.
- Булыка, 1979 — Булыка А. М., Жураўскі А. І., Крамко І. І. Гістарычная марфалогія беларускай мовы. — Мінск, 1979.
- Затоканюк, 1975 — Затоканюк М. Словоизменение существительных в восточно-славянских языках. — Прага, 1975.
- Именное склонение, 1977 — Именное склонение в славянских языках XV—XVI вв. Лягвостатистический анализ. — Л., 1977.
- Карский, 1956 — Карский Е. Ф. Белорусы. — М., 1956, вып. 2—3.
- Карский, 1962 — Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. — М., 1962.
- Котков, 1963 — Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. — М., 1963.
- Обнорский, 1927 — Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. — Л., 1927, вып. 1.
- Соболевский, 1907 — Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. — СПб., 1907.
- Филин, 1972 — Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. — Л., 1972.
- Хабургаев, 1963 — Хабургаев Г. А. К вопросу об интерпретации падежного синкретизма в русских говорах. — ВЯ, 1963, № 3.